

Гари Забелин

Поющий пёс Глен

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
312

Забелин Г.

Поющий пёс Глен / Забелин Г. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 133 с.

ISBN 978-5-532-96187-6

В книгу включена повесть “Поющий пёс Глен”, несколько рассказов из калифорнийского цикла “Соседи” и три рассказа воспоминаний о детстве в послевоенной Одессе. Многочисленные герои повести – собака, Америка и эмиграция, жена, сын и долгое расставание с ними, Рахманинов и Бетховен, и связь обоих с небом и душами человеческими, к тому же, постоянно интригующая загадка – каким образом к афганской борзой по кличке Глен пришла любовь и знание классической музыки Баха. И этот детективный и интригующий момент проходит с начала повести и до ее разгадки.

ISBN 978-5-532-96187-6

© Забелин Г., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Об этой книге	5
Поющий пёс Глен	6
Глава 1. Гизела	6
Глава 2. Эмигранты в Законе	9
Глава 3. Разные вещи	15
Глава 4. Максим в полузаконе (рассказанная Максимом)	22
Глава 5. Четыре года спустя. Високосный зверь	25
Глава 6. Азбука	31
Глава 7. Максим	34
Глава 8. Опять в полет	39
Глава 9. Второй Фортепианный Концерт Рахманинова	44
Глава 10. Загадка	48
Глава 11. Долгая неделя	51
Глава 12. Сон	57
Глава 13. Разгадка	61
Соседи	65
Балетные ножки	66
Как вы себя чувствуете?	73
Дела житейские	82
Дверной глазок	87
Храни тебя	93
Санта-Барбара	99
Кошачий детектив	106
Этот рыжий	119

Злая дворничиха	120
Записочка	122
Этот рыжий	130

Об этой книге

В этой повести есть несколько ясно звучащих тем-партий – как, впрочем, во всякой сонатной форме. Эмиграция, собаки, семья, музыка. Животное поет вместе с Гленом Гульдом. Эмигрант-инженер моет посуду – он счастлив: он устроился на работу. Женщина повторяет мужу один раз, два, три раза то, что, по ее мнению, он не услышал и не запомнил: это как реприза в музыке. А Рахманинов, в свое время эмигрировавший в Америку, и Бетховен, который никакой Америки не видел ни при какой погоде, через века подают друг другу руки. А над ними стоит и смеется Бах в кудрявом парике, который все знает про советских людей, и про счастливое последнее десятилетие двадцатого века, и про ужасы и горести века грядущего, и это именно Баха будет на гастролях в Бостоне играть сын героя: да, так и должно быть, ведь музыка, как и собака, друг человека. О нет, музыка – голос Бога, Бог на ее языке говорит со своими детьми... Повесть Гари Забелина покоряет всюду, в каждой строчке звучащей пронзительной нотой человечности. Эта щемящая нота сродни ветру, шуму дождя и звону капли – вечной музыке природы... Все, что с нами происходит, уже записано на нотных станах черными букашками нот и уже спето лаем и воем наших верных собак, быть может, знающих о нас больше, чем мы сами.

Елена Крюкова

*(Международный литературно-художественный
бумажный журнал «Зарубежные задворки» (Za-za)
№9(39), сентябрь 2017)*

Поющий пёс Глен

Глава 1. Гизела

Афганская красавица Гизела сверлила взглядом глухую дверь изнутри. Она твердо знала, что вот прямо сейчас дверь взлетит кверху и перед глазами появится летящий на сумасшедшей скорости красный искусственный заяц. Больше всего на свете Гизеле хотелось догнать этого зайца. Догонит, и потом будет стоять на пьедестале рядом с другими двумя афганами, только выше! Они будут посматривать на нее снизу и украдкой – чтобы она не увидела, и фотограф будет снимать, но в основном ее, но чтобы Она в этом не сомневалась, что именно ее и, что важно – тоже снизу. Других афганов тоже, но лишь поскольку они рядом... Впрочем, никто не знает, о чем в точности думала афганская красавица Гизела. И какое это имеет значение для того, кому через десять минут стоять на пьедестале?

На последней дорожке стоял молодой красавец – афган Глен. Перед ним тоже была глухая дверь, но на дверь Глен внимания не обращал. Глен глядел налево в сторону, где стояла Гизела. Их разделяло пять других перегородок, да еще по борзому за каждой. К тому же афганы не отличаются особым чутьем но, среди океана запахов, Глен пытался не упустить этот неповторимый на всем свете запах Гизелы. И его афганская морда была в точности направлена на ее хвост...

Удар стартового колокола, взлетевшие к небу заслонки клеток и возникший над дорожками убегающий искусственный заяц – все это случилось в одно и то же мгновение, и без задержки шесть афганских борзых рванулись вперед со скоростью урагана – улетели, как подхваченные смерчем, не оставив на старте и следа. Впрочем... На старте даже не шевельнувшись, стоял афганский красавец Глен. Его горящий взгляд был устремлен на то место, где еще мгновение назад была Гизела. Но место было пусто, а ее тонкий запах быстро улетучивался... Прошло несколько секунд прежде, чем до Глена дошло,

что красавица бегунья пролетела уже полкруга. Глаза Глена зафиксировали Гизелу уже на противоположной стороне стадиона и, лишь только тогда афган сорвался с места. Глен полетел вдогонку, игнорируя беговые дорожки и разделительные линии, наперерез, через все поле... Он был необыкновенно красив, этот песочно-рыжий афган, с развевающейся на бегу блестящей длинной шерстью, в ярко синей попоне с номером, летящий по зеленому полю. Стадион ревел и визжал от смеха в едином визге. Тон визга тоже быстро менялся и вскоре перешел в восторженный, почти истерический гул...

На дорожках бегуны разделились на две неравные группы. Красавица Гизела возглавляла гонку, практически вися на хвосте у искусственного зайца. Основная группа отстала, как минимум на 50 метров. Но, вослед Гизеле нос в хвост, встроился, и, казалось, не прикасаясь к земле, парил Глен, не отставая, но и не опережая, опять-таки, нос в хвост. И всем на трибунах было видно, что у Глена значительный запас в скорости, но это его не интересует! Трибуны продолжали неистово поглощать зрелище...

В тот день Гизела стала чемпионкой, Впрочем, как обычно, а Глен пришел вторым. На пьедестал почета по понятным причинам он не попал. Пашенька, хозяин Глена, ждавший возле финишной черты, бросился обнимать пса. Вокруг порхал тренер, внушавший Паше, что у этого пса большое будущее, чтобы он не перестал посещать тренировки. Тренер что-то быстро писал в блокноте, и спрашивал, и непрерывно трещал о том, что... для пса нет предела, такой запас, чемпион, будущее, деньги, слава. Но Пашенька только счастливо обнимал афгана, а тот все время увертывался, пытаясь не потерять из виду Гизелу, которую чем-то поощряла, как говорят собачники, какая-то женщина.

А в следующее воскресенье состоялась лишь рутинная тренировка – ни соревнований, ни призов и... Гизелу не привезли. Когда заслонка подскочила над ящиками, открывая борзым путь к улетающему зайцу, афганцев со стартовой черты как сдуло. Но Глен, вместо того, чтобы бежать, характерно принохался, так на всякий случай, а потом разыскал взглядом на трибуне Пашеньку и неторопливо затрусил к нему, перепрыгивая через скамейки для зрителей. Ска-

мейки были низкие, и Глен перемахивал их с полуметровым запасом, отчего выглядел очень смешно. Потом подошел тот же самый тренер и сказал, что из пса ничего не выйдет. Почему, – спросил Паша? – У нас гонка за зайцем, а не за суками. Неперспективный... – добавил тренер.

Паша с Гленом вернулись домой. Дома было пусто и очень грустно. А потом позвонил папа из Америки и сказал, что в Союзе произошел государственный переворот. Папа был очень взволнован. Но связь, как только папа произнес “переворот” прервалась... – подслушивали... и папин голос исчез, как будто его и не было. Паша выглянул в окошко. Там сияло солнышко, и зелень чуть разбавило золото – в Одессе начиналась осень. Было все спокойно в природе за окном и никакого переворота видно не было.

Глава 2. Эмигранты в Законе

Это было счастливое время. Советы уже вывели войска из Афганистана, а Штаты ещё не ввели. Советы сравнительно легко выпускали убегающих от них граждан, а Штаты сравнительно мирно их не выгоняли. К тому времени Максим получил разрешение на работу в Штатах (work permit), который почему-то отождествлялся с немедленным получением работы. Работы здесь как раз не было. Это общество болело законной для него рецессией. И, Максим не мог знать, что страну очень скоро ждет необыкновенный подъем – интернетный взлет, на котором, как на корабле будущего из Соединенных Штатов работа улетит на Восток и начнется очередное падение.

Стояло последнее десятилетие Двадцатого Века. Такое же обещающее и мирное, как последнее десятилетие девятнадцатого. Совпадение не настораживало. Максим искал работу и в своих поисках мигрировал с севера на юг восточного побережья. Начав со штата Main, он добрался до Pencilvania Philadelphia. Английского он пока не знал, так что работу приходилось искать неквалифицированную, и он ходил пешком по холодному и пыльному городу, разыскивая надпись “Help Wanted”, но его помощи никто не хотел. Он пришел из другого мира, где помочь можно было – решить задачку, то есть дать списать, поднести девочке из класса портфель, посадить старушку в трамвай, ну и так далее... И уж во всяком случае, бесплатно. Кроме того, Макс пришел из НИИ, где на триста сотрудников тогда лишь один знал английский. На этого одного смотрели со смешанным чувством восторга и подозрения. Но, но – это был не Максим. Так прошло 2 месяца. Максим, вооруженный разрешением на работу, по десять часов в день слонялся по городу в надежде увидеть заветную вывеску о том, что он кому-то нужен, а вечером возвращался к друзьям, как побитый помоечный кот, таким же безработным, каким ушел с утра. Все же о вывеске “Help Wanted” Макс знал лишь понаслышке, и уже начал сомневаться – может, друзья что-то перепутали и надо искать другие английские слова. Друзья,

у которых по-счастью работа была, периодически просили Макса написать “Help Wanted”, боясь, что он мог уже забыть – на что следует обращать внимание. Максим писал уверенно, но каждый раз спрашивал – может надо искать синонимы. Друзья говорили – синонимы не нужны, эта вывеска продается во всех магазинах. Другая не продается... Help – Помощь! Такое ясное, благородное и однозначное понятие, где не замешана никакая личная выгода, а если она замешана – это двойной стандарт, а где двойной стандарт там подлость, двуличие. Но здесь это нормально и не так, как в том мире. И нет подлости, хотя слово справедливость почти нигде не звучит. Мир справедливый и реальный одновременно, и жизнь по его законам – это совершенно другая жизнь, о которой Максим лишь думал, будто хоть что-то понимает в ней. Пока не понимал настолько, что даже поначалу подумал, что это ошибка в англо-русском словаре, впрочем – в англо-советском...

Раннее утро первого високосного дня Максима было восхитительно, в меру морозно и ветрено, но главное... Еще вчера днем ему заплатили за прошлую работу, где он дежурил по ночам у постели человека, который упал с высоты 40 футов на бетон строительной площадки и был пока жив. Был wanted человек с русским языком, хотя непонятно зачем – первое, что потерял бедняга – был язык, и говорить тому было нечем. Уже после Макс узнал, что жена бедняги не знает английского. “А могут позвонить из страховой компании”. Английского Макс тоже не знал, но на job interview та же жена экзаменовала Макса и решила, что он справится за пять долларов в час. У нее был опыт. Прежде, она уже приглашала человека на пять долларов, тоже с университетом, так тот справился. На вопрос Макса, с каким факультетом, она не знала, что ответить. Может быть с факультетом английского, подумал Максим, но решил вслух не говорить. Он вдруг понял, что эту женщину и его – Макса, что-то объединяет, и это что-то было 5 долларов в час – она не могла дать больше, а он не был способен претендовать на большее. Ночами Максим сидел с раненым и пытался помочь ему и помог, потому что через неделю выяснилось, что страховочной компании, в которой тот работал, ничего не удастся сделать, кроме